

через язык культурное наследие. Как показало проведенное исследование, М.И. Цветаева чаще использует немецкие и французские вкрапления, отличающиеся различной типологией и широтой применения. Иноязычные вкрапления, безусловно, затрудняют понимание текста, но целесообразны с точки зрения художественной образности, эмоциональной насыщенности, глубины авторского мироощущения, поскольку для автора-билингва и полилингва то или иное явление звучит более наполненным на языке источнике, чем на русском языке.

Литература

1. Камлевич Г. Варваризмы в очерках М.И. Цветаевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/74326609.pdf> (дата обращения 25.09.2017).
2. Цветаева М.И. Проза. – М.: Современник, 1989. – 590 с.
3. Чигирин Е.А. Немецкие вкрапления в текстах М.И. Цветаевой: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 20 с.

УДК 82-1/29

А.И. Разживин, А.Н. Пашкуров

Казанский федеральный университет, г. Елабуга, г. Казань, Россия

РУССКАЯ «ЛЕГКАЯ ПОЭЗИЯ» В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТИХОВОЙ КУЛЬТУРЫ (РУБЕЖ XVIII-XIX ВЕКОВ)

Аннотация. В статье рассматривается европейский (преимущественно французский) контекст русской «легкой поэзии», формулируются жанрово-тематические открытия поэтов, вместе с тем авторы видят влияние на этот феномен античной (анакреонтической и эпикурейской) лирики, а также опыта русских поэтов первой половины XVIII века.

Ключевые слова: русская «легкая поэзия», рубеж XVIII-XIX веков, европейский контекст.

A.I. Razzhivin, A.N. Pashkurov

Kazan Federal University, Elabuga, Kazan, Russia

RUSSIAN “EASY POETRY” IN THE CONTEXT OF EUROPEAN VERSE CULTURE (AT THE TURN OF THE 18TH – 19TH CENTURIES)

Abstract. The article considers European (mostly French context of Russian “light poetry”, it formulates its genre-thematic discoveries. At the same time, the authors see the influence of the ancient (anacreontic and epicurean) lyric poetry on this phenomenon, as well as the experience of Russian poets of the first half of the 18th century.

Key words: Russian “light poetry, the turn of the 18th – 19th centuries, European context.

Значительную роль в литературном процессе России последней четверти XVIII и первых десятилетий XIX века сыграл такой жанровый феномен, как «легкая поэзия». Европейский контекст этого явления весьма широк и восходит к французской литературе первой половины XVIII века (Шолье, Лафар, Руссо). Poesie fugitive в середине XVIII века представлена в лирике Дора, Колардо, Буфле, Леонара, Грессе, позднее - Парни, поэтов, чье творчество было весьма популярно в России, кем увлекались и корифеи поэзии М.Н. Муравьев, К.Н. Батюшков, молодой А.С. Пушкин: «Анакреон, Шолье, Парни, / Враги труда, забот, печали, / Не так, бывало, в наши дни / Своих любовниц воспевали. / О вы, любезные певцы, / Сыны беспечности ленивой, / Давно вам отданы венцы / От музы праздности счастливой...» [5, т. I с. 106].

Во Франции же в середине XVIII века оформился и основной творческий принцип «легкой поэзии» – искусство экспромта, мастерство случайных деталей, бурлеск, шутливая поэма, сказочная «безделка», лирическая пародия, «эротическая» песенка. Поэт как бы намеренно беспорядочно «выхватывает» из окружающего мира образы, которые ему понравились, детали, которые как-то задержали его внимание, и «перемешивает» все это со своим поэтическим вдохновением. Безусловно, именно «легкая поэзия» в русской литературной культуре во многом способствовала становлению жанров стихотворного экспромта и лирической миниатюры. Ряд открытий «легкой поэзии» сказался на развитии так называемой «альбомной лирики» в России в ее движении уже к

Пушкинскому времени.

Во Франции среди наиболее авторитетных авторов «легкой поэзии» оказались многие видные аристократы-вельможи и даже католические священники. В центре внимания французских поэтов любовная тема. Многие из общего взгляда французской «легкой поэзии» на мир передают такие ее основные тематические образы, как цветок и бабочка / мотылек. Второй участник этой символической «пары» – безусловное alter ego лирического автора, проповедующего свободу чувств и наслаждения земной красотой, а через них – и высшими ценностями бытия. Участник первый – гармоничный обитатель того самого истинного мира красоты и наслаждения, куда устремлен поэт. Не удивительно, что часто возникает прозрачная параллель: цветок – красавица. Уже в начале XIX века русский наследник этой французской традиции Александр Беницкий, непосредственный предшественник Константина Батюшкова, будет выпускать поэтический журнал с примечательным названием «Цветник».

Многообразная по своему художественному спектру «легкая поэзия» со временем начинает связываться с достаточно узким штампом, чему в значительной степени способствовали многочисленные волны подражаний. Постепенно определяющими «правилами» «легкой поэзии» становятся: утонченное остроумие (как «забава ума»), особого рода «грациозность», легкий налет близкой сентиментализму чувствительности.

Во французской «легкой поэзии» складываются и четко различаются между собой две ветви:

а) альбомная, приметы которой – изысканный грациозный стиль, определенная насыщенность условно-мифологическими, эротическими образами и ситуациями (к примеру, известная поэтическая школа Шолье);

б) элегическая, ориентированная, в первую очередь, на «истину чувств и выражений», – не случайно одному из основателей этой школы Э. Парни удалось достичь в своей поэзии особенной «сосредоточенности чувства», «драматической напряженности переживания» и лирического выражения чувств человека как уникальной в своем духовном мире личности.

Типологически двойственным оказывается феномен «легкой поэзии» и в плане своих связей с литературной традицией:

- развиваются классические мотивы анакреонтической и эпикурейской лирики: философия быстротечности жизни, культ любви и молодости и др., намечается их связь с идеологией просветительского искусства (Вольтер, Парни, Грессе и др.);

- пышно расцветает «поэзия салона», восходящая к любовной галантной лирике вообще (Колардо, Дора, Шолье, Леонар, Берни и др.).

Все это, безусловно, не могло не отразиться в процессе творческого усвоения и нового рождения «легкой поэзии» в России.

В русской поэзии нового времени создание «под впечатлением» французского оригинала своего «легкого стихотворства» оказалось, с одной стороны, под еще большим влиянием анакреонтики, плодотворную дань которой отдали практически все крупные поэты, начиная от Кантемира вплоть до Львова и Державина. Зачастую античные поэты ставятся в России выше мэтров европейской «легкой поэзии» нового времени. Порой анакреонтика превращается у русских поэтов в своеобразный глубинный стержень, обеспечивающий полнокровное выражение в поэзии своего неповторимо индивидуального лирического «я». Исповедальность лирической медитации, автобиографизм, повышенный интерес к духовному миру – все это своим появлением в русской поэзии во многом обязано именно «легкой поэзии», переосмысленной через призму анакреонтической традиции.

С другой стороны, попав на русскую почву, «легкая поэзия», особенно в классической любовной ветви, вступила в интересный творческий диалог с самобытным жанром стилизованной народной песни (А.П. Сумароков, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, Г.Р. Державин).

Отдельные подходы, подготовившие базу для плодотворного усвоения феномена «легкого стихотворства» в России, намечаются уже у русских поэтов первой половины XVIII века: в анакреонтических мотивах поэзии А.Д. Кантемира, в любовных виршах В.К. Тредиаковского, в песнях А. П. Сумарокова.

Особое место принадлежит М.В. Ломоносову, который прошел путь выражения своей личности в поэзии от лирических отступлений в классических одах до интереснейшего феномена медитативно-лирического фрагмента. Показательно, что обращаясь к переводу образцов любовной и анакреонтической лирики, он всегда стремился выйти за рамки механического копирования, высказать свою позицию, зачастую – вступить с автором в своеобразный творческий диалог (сравним тот же «Разговор с Анакреонтом»). В зрелой поэзии это закономерно приводит Ломоносова к жанру медитативно-лирического отрывка, свободно сочетающего вольные вариации образов и неповторимое богатство индивидуального поэтического «я» («Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...», 1761).

Со временем круг литературных влияний в отечественной «легкой поэзии» значительно расширяется. Несмотря на кажущуюся простоту и незамысловатость, «легкая поэзия» свободно ориентировалась в мире литературных взаимодействий и выбрала в свой художественно-философский опыт достаточно большой круг различных литературных традиций. С одной стороны, безусловное влияние идей Просвещения, приоритетно – во «французском» его варианте с представлениями о внесловной ценности личности и праве каждого наслаждаться свободой земных чувств. В то же время через любовную тематику «легкая поэзия» испытывает достаточно заметное влияние и поэтики сентиментализма – например, через такие важные для этого направления жанры, как элегия и идиллия. Характерный прием лирического экспромта «подводит» «легкую поэзию» и к предромантизму с его размышлениями о феномене мгновения в жизни человека и мира, с его превознесением свободной творческой личности, позволяющей себе даже игру с прежними традициями.

Не менее важен и мировоззренческий аспект русской «легкой поэзии». На одном «полюсе» – стилизация под «полубездумное» интуитивное творчество, намеренное «запутывание» читателя разного рода загадками и словесными «кроссвордами» (показательно, к примеру, творчество Алексея Ржевского), на другом – выход на сложнейшие концепции масонства. В последнем случае особого разговора заслуживает ставшая культовой в России конца XVIII века поэма Ипполита Богдановича «Душенька». С одной стороны, значимы для «легкой поэзии» традиции античной философии (прежде всего – так называемая «философия наслаждения», гедонизм), с другой – русского устного народного творчества. Так, к примеру, в лирике Ивана Дмитриева, Юрия Нелединского-Мелецкого, а позднее и Алексея Мерзлякова складывается интересная традиция стилизаций под русские народные песни.

В русской литературе к осмыслению «легкой поэзии» впервые обратился М.Н. Муравьев. Для него «легкая поэзия» – не просто любовная шутка, и отнюдь не только и не столько светский экспромт, а целая философия жизни. В его манифесте «Общественные стихи» (1782) мы ясно видим, как существенно переосмысляются традиционные клише европейской «легкой поэзии»: «Мгновенья плод, приятные стишки, / Рождаются в большом прекрасном свете / И так, как он, свободны и легки, / Как бабочки в роскошном лете...» [4, с. 212-213]. В другом программном произведении, в «Послании о легком стихотворении» (1783), Муравьев интересуется не менее важная проблема духовной эволюции творческого поэта: «любовных резвостей своих летописатель» превращается со временем в «мудреца». Так «легкая поэзия» входит органично в поэтику исповедальности, характерную для русского сентиментализма.

Со временем в русской «легкой поэзии» определяются три основных русла:

а) любовное (так называемое «еротическое», наиболее близкое французскому пра-оригиналу в лирическом творчестве А.А. Ржевского, Г.А. Хованского и др.);

б) лирическое (открытое М.Н. Муравьевым и переносящее внимание на темы чувства и творчества и т.п.)

в) ироническое (отчасти связанное с первым, но включающее и иронию над основными мотивами и темами «легкой поэзии»).

Ироническая «легкая поэзия» больше сохраняет связь с французским искусством легкой светской шутки, не чуждой подчас и иронии. Ярким примером можно считать творчество Ивана Дмитриева, одного из наиболее показательных и значительных поэтов «карамзинской школы» в русской литературе. Возьмем его тонкую пародию на романс Карамзина «Я птичкой быть желаю...» – «Я москвой быть желаю...» (1796): «Я москвой быть желаю, / Всегда чтобы храпеть; / Нет нужды, что залаю / И что не буду петь... / Коль москья б изменила, / К болонской бы пристал, / Не тратил бы чернила, / Элегий не писал...» [2, с. 252].

В целом в лирической «легкой поэзии» главным становится ощущение мира как чуда. Все живое, все существующее интересно поэту, пробуждает в нем светлую радость.

В европейской «легкой поэзии» наметились подхваченные русской литературой искусство экспромта и лирической или игровой миниатюры (М.Н. Муравьев, А.А. Ржевский), альбомная поэзия с грациозным стилем, условно-мифологическими и эротическими образами (В.Л. Пушкин, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков), анакреонтическая и эпикурейская лирика с философией быстротечности жизни, с культом любви, молодости, наслаждений (Н.А. Львов, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, Г.Р. Державин), гедонистическая лирика (Е.П. Люценко), буколика (Я.Б. Княжнин, И.Ф. Богданович), стилизованная «народная песня» (Г.А. Хованский, И.И. Дмитриев, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, А.Ф. Мерзляков), бурлескная поэма (Е.П. Люценко, В.И. Майков), сказка (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, И.Ф. Богданович, Г.Р. Державин).

В Европе под «легкой», или «мимолетной», поэзией понималось все стихотворство, противостоявшее высокой традиции и жанрам классицизма. К нему причисляли эпиграммы, мадригалы, игривые послания – дружеские или любовные, анакреонтические или вакхические оды,

стансы, куплеты, песню. Реже встречались эпитафии (надгробные песни шутливо-иронического содержания), эпиграммы (стихи на бракосочетание), сонеты. Главными достоинствами этих произведений, написанных на случай, считались совершенная форма, легкий стиль и отсутствие претензий на глубокомысленное, высокое, гражданское содержание.

Показательны названия журналов рубежа веков - «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791-1793), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794-1798). Причем иные названия явно нарративны, являются своеобразным ключом к содержанию журнала: «Дело от безделья или Приятная забава, рождающая улыбку на челе угрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестями, в стихах и прозе состоящими, угождающая» (1792) или «Прохладные часы или аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, т. е.: философических, критических, рифмотворных, пастушьих и аллегорических веществосновий» (1793).

Популярный в России Парни в 1779 г. публикует сборник с колоритным названием «Поэтические безделки». В 1794 г. Н.М. Карамзин так же называет свой сборник «Мои безделки», а в ответ ему в 1795 г. следует первое издание И.И. Дмитриева «И мои безделки». По воспоминаниям П.А. Вяземского, авторы-друзья собирались издать свои сочинения в одной книге. Обстоятельства, не позволившие исполнить намерения, продиктовали Дмитриеву сходное название [1]. Критерий эстетической ценности смещался здесь из области высокого, разумного в сферу легкого, интимного, эмоционального и даже развлекательного. Как писал Н.М. Карамзин: «Говорят, человечество старо; я этому верю, и все же его приходится развлекать, как ребенка» [3, с. 115].

«Безделками» именовали поэтические мелочи, надписи, эпиграммы, лишенные серьезного содержания стихотворения, сказочки, которые обнаруживали и у Вольтера. Пушкин писал: «Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком... и эта легкость казалась верхом поэзии» [5, т. VI, с. 210].

Вершины «легкая поэзия» достигнет в лирике К.Н. Батюшкова 1802-1812 годов. Он же теоретически осмыслит ее в 1816 г. в работе «Речь о влиянии легкой поэзии на язык».

Русская «легкая поэзия» в некоторых лицах и открытиях представлена в наших работах [6, с. 214-240; 7, с. 94-100].

Литература

1. Вяземский П.А. Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева. Сочинения: В 2-х т. Т.2. – М., 1982.
2. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. – Л., 1967.
3. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. – М. – Л., 1966.
4. Муравьев М.Н. Стихотворения. – Л., 1967.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 тт. – М., 1981.
6. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: В 2-х ч. Ч. 2. – М: ФЛИНТА: Наука, 2017.
7. Разживин (Ключевский) А.И. Жанр «сказочной безделки» в «легкой поэзии» И.И. Дмитриева и И.Ф. Богдановича // Михаил Муравьев и его время. – Казань, 2013.

УДК 378

Л.М. Рамазанова, В.М. Панфилова

Казанский федеральный университет, г. Елабуга, Россия

ВНУТРЕННЯЯ УЧЕБНАЯ МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье речь идет о формировании мотивации в процессе учебной деятельности. Учебная мотивация характеризуется направленностью, устойчивостью и динамичностью. Высокий уровень владения иностранным языком обусловлен интегративной (внутренней) учебной мотивацией, которая рассматривается как основной фактор самореализации в иноязычном образовании.

Ключевые слова: внутренняя учебная мотивация, направленность, иноязычное образование.